

— Ещё можешь идти? — Голос Гу Чуньлая звучал тихо, без сил. Правой рукой он сжимал альпеншток, левая безвольно свисала вдоль тела.

Бай Яньнань, выглядевший измождённым, покачал головой и, с трудом преодолев несколько метров, подполз к Гу Чуньлаю.

— Нога... лодыжка повреждена. Не знаю, не сломана ли кость.

— Остальное в порядке?

Бай Яньнань снова отрицательно мотнул головой.

— Тогда забирайся, держись крепче. — Гу Чуньлай повернулся к нему спиной. — Я тебя подниму.

— Погоди... Моя камера там, внизу. Нужно сохранить карту памяти, это доказательство. Нельзя позволить съёмочной группе свалить всё на нас...

— Какие сейчас доказательства! — Голос Гу Чуньлая прозвучал глухо, но громко, и речь его больше не была чёткой, как у опытного театрального актёра. — Сначала нужно спастись!

— Но...

— Жофэй ждёт! — Гу Чуньлай опустил на одно колено. — Забирайся! Держись крепче! Жофэй ждёт, я ещё не всё ему сказал!

Бай Яньнаню почудилось неладное, но он не мог понять, что именно. Он никогда не думал, что Гу Чуньлай может быть таким сильным и надёжным, уже не тем юношей, который следовал за ним и Сяо Жофэем. Но как он, такой худой после съёмок, сможет выдержать вес взрослого мужчины?

— Чуньлай, успокойся. Мы уже проскользили немало. Может, поищем рядом короткий путь обратно на трассу?

Гу Чуньлай продолжал кричать:

— Я всё время наблюдал за окружением, но не нашёл трассы. Склон не слишком крутой, мы оставили следы при скольжении. Лучше вернёмся тем же путём.

Бай Яньнань, словно во сне, взобрался на спину Гу Чуньлая.

Он всё больше терялся в догадках. Как в такой экстренной ситуации у Гу Чуньлая хватает сил наблюдать за окружением и быстро принимать решения? Во время промо он казался таким неуклюжим, постоянно нуждался в подсказках, а теперь вдруг стал таким внимательным и решительным?

Или он просто хочет вернуться, не думая ни о чём другом?

Бай Яньнань чувствовал, как ноги Гу Чуньлая дрожат, едва удерживая его ослабевшее тело, пока он шагал по покрытой снегом и сухими листьями горной тропе, неся на себе взрослого мужчину. Он хотел найти ветку, чтобы использовать её как костыль, и больше не обременять Гу Чуньлая, но тот, словно не слыша, продолжал идти вперёд, не отклоняясь от пути.

— Чуньлай, спасибо... — внезапно вырвалось у Бай Яньнана. — Прости.

Гу Чуньлай наконец ответил ему:

— Не говори глупостей.

— Я искал фотографии Чу Чжэнмина, потому что когда-то ради роли я спал с ним. Я не знал, что ты тоже был там.

Дыхание Гу Чуньлая участилось, а шаги стали медленнее.

— Сначала я хотел сохранить это как... как твой компромат... Но... В школе ты всегда заботился обо мне, баловал меня... Я... не смог...

Крупные слёзы покатались по лицу Бай Яньнана, падая на воротник Гу Чуньлая. Он чувствовал, как тело под ним стало каменным, словно частью горы, почти не ощущая дыхания, не ощущая присутствия другого человека.

— Я ухаживал за Жофэем, потому что боялся, что если вы будете вместе, мне не останется места... Меня бросят, я останусь один, а я не хочу этого... Я чувствовал, что если завладею одним из вас, другой не уйдёт. Вы оба останетесь со мной. С ним было проще, поэтому...

Гулкий стук альпенштока о землю почти заглушил слова Гу Чуньлая:

— Ты... действительно ужасен... играя с Жофэем...

— Что делать, мне нравилось время, проведённое с вами. Я хотел вас обоих, хотел, чтобы меня любили многие, но вы двое были особенными, лучшим воспоминанием в моей жизни... — Бай Яньнань сжал руки, словно хватаясь за спасательный круг в бушующем море. — Пожалуйста, не бросайте меня...

— Не... глупи...

Не закончив фразу, Гу Чуньлай наклонился, словно под давлением невидимой силы, и рухнул лицом вниз!

Бай Яньнань упал следом. К своему ужасу, он заметил, что по всему их пути вверх были разбросаны капли крови. Он в панике перевернул Гу Чуньлая и увидел, что левая половина его лица была залита кровью, кожа приобрела сероватый оттенок, тонкие губы стали ярко-красными, а волосы слиплись в комки.

— Ты так ранен, и ничего не сказал! — закричал Бай Яньнань. — Я не хочу, чтобы ты погиб!

— Прости... больше не могу идти... — в голосе Гу Чуньлая остался лишь слабый шёпот. — Яньнань, если... если я... не смогу подняться...

— Не смей нести эту чушь! Как ты можешь не подняться! Ты же знаешь, что кто-то ждёт тебя! Ты заполучил Жофэя, и теперь хочешь сдать? Вставай!

— Альпеншток... как костыль... — Гу Чуньлай кашлянул, и брызги крови попали на лицо Бай Яньнана. — Полезай вверх...

С этими словами он с трудом поднял неповреждённую руку, стёр кровь, смешанную со слезами, с лица Бай Яньнана, и рука снова упала.

— Пожалуйста... поднимайся... я... больше не могу нести тебя...

— Отстань! Я сам тебя вытащу!

Бай Яньнань только поднял левую руку Гу Чуньлая, как она неестественно повисла вниз. Он вдруг понял, что Гу Чуньлай на что-то наткнулся, и они остановились. Если бы он был здоров, без лишнего груза, то, возможно, уже давно ушёл бы далеко вперёд. Но даже будучи так ранен, Гу Чуньлай никогда не думал бросить его.

Бай Яньнань не знал, как теперь действовать, чтобы не причинить ещё большего вреда.

— В шкафу в спальне... деревянная шкатулка... завещание...

— Не говори глупостей! — Бай Яньнань сжал альпеншток. — Жди меня! Я позову помощь! Не смей умирать! Он точно ждёт тебя, он всегда любил тебя!

Гу Чуньлай уже не мог слышать. Он лишь видел, как губы Бай Яньнаня двигаются, но мозг не воспринимал никаких сигналов. Он никогда не думал, что говорить может быть так утомительно.

Но он не смел закрыть глаза.

Он ясно чувствовал, как жизнь медленно покидает его тело, тёплая кровь течёт из неизвестного места. Он словно погрузился в другой мир, перед ним была пустота, ни дороги, ни стула, не было направления, куда идти, и негде было остановиться. Лишь вдалеке виднелся смутный силуэт.

Гу Чуньлай продолжал идти к нему, на полпути решив, что это олень. Но подойдя ближе, он увидел себя шестнадцатилетним, в не по размеру костюме, сгорбленного перед рядом могильных плит, лопатки почти прорывали ткань, словно готовы были взлететь.

Это были похороны деда.

Гу Чуньлай помнил, что день был солнечным, но ветер был холодным. Все, кто пришёл выразить соболезнования, уже разошлись, вокруг было пусто, только он один остался. В тот день он не проронил ни слезинки, стоял неподвижно с утра до вечера, пока сторож кладбища не позвал его уйти. Только тогда он сделал шаг, спотыкаясь, ушёл.

С того дня он решил больше не плакать, забыть все горести, отрезать серое прошлое и смотреть только вперёд. Прошлое только приносит печаль, печаль вызывает слёзы, а слёзы только заставляют глаза болеть и нос закладывать, ничего больше, только делает тебя ещё более жалким.

В шестнадцать лет Гу Чуньлай понял, что в этом мире можно полагаться только на себя, не оглядываясь на прошлое, чтобы идти вперёд.

Но...

Гу Чуньлай ясно увидел, что перед рядом могил стоит ещё один человек, тот, кто на съёмках тащил его с собой, готовил ему цзяоцзы, заставлял его сказать спасибо в нужный момент и вернул его к нормальной жизни. Он увидел, как вырос, стал таким, как сейчас, всё ещё сгорбленным, неприглядным, со слезами, оставшимися с того утра, когда он ел цзяоцзы.

Тот человек сказал ему:

— Чуньлай, вернись, в следующий раз приходи вместе. Ты не один.

Не один.

— Жофэй... — Гу Чуньлай наконец услышал собственный голос.

Он резко открыл глаза, сознание и зрение вернулись. Левая сторона была повреждена, но правая в порядке, у него была одна рука, две ноги, он мог сделать шаг вперёд, приблизиться к Сяо Жофэю.

Ему ещё было что сказать, ещё были годы лунных ночей, которые он хотел провести вместе с ним.

Сейчас нельзя сдаваться!

Гу Чуньлай думал, что ему уже всё равно.

Он много раз размышлял, во что превратится после смерти. Он представлял себя птицей, деревом, рыбой, величественной горой, любимыми конфетами и духами Сяо Жофэя, или его любимой рубашкой.

Но теперь, когда тело становилось всё холоднее, момент, возможно, действительно приближался, Гу Чуньлай больше ничего не думал.

Он просто хотел жить.

<http://bllate.org/book/15563/1415821>